

The background of the cover is a dark, out-of-focus photograph of a road at night. A bright, warm light source, possibly a street lamp or a distant car, is visible in the upper right corner, creating a bokeh effect. The road surface in the foreground is textured and reflects the ambient light.

Михаил Рошин

Визуализатор

Михаил Рощин Визуализатор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8687169

ISBN 978-5-4474-0342-3

Аннотация

К чему может привести сенсационное интервью? Для молодого репортера это шанс подняться по карьерной лестнице. А для его респондента – возможность рассказать о себе. Вот только о чём может поведать человек, изолированный от человечества более чем на тридцать лет?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Визуализатор Михаил Рощин

© Михаил Рощин, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

Среда начиналась как обычно. В маленькой однушке было тихо и темно. Сумрак нарушался лишь неверным светом уличных фонарей, пробивавшимся сквозь неплотно задернутые шторы, да редкими всполохами фар от проезжавших машин. И эти же машины издавали звуки, характерные для любого большого города. Шум покрышек по мокрому асфальту прерывался иногда редкими звуками клаксонов, и еще реже – хлопающих дверей. Большой город никогда не засыпал окончательно. Лишь под утро он на несколько часов погружался в неглубокую дрему, чтобы потом снова пробудиться и закипеть жизнью очередного дня.

Максим проснулся на несколько минут раньше будильника. По старой привычке, еще со студенчества, он вставал в шесть утра. Но не сегодня. Почему-то он вынырнул из своего сна раньше обычного. Причину он предположить не мог: вполне возможно, какой-то шум с улицы привлёк внимание его просыпающегося мозга, но что это было, сказать сложно. Да и заниматься такими размышлениями с утра в постели точно не было никакого желания.

Посмотрев на циферблат будильника, он аккуратно потянулся, напрягая всё своё тело, как бы пробуждая его от сонного состояния, и только потом медленно выбрался из-под одеяла. Он старался не разбудить спящую рядом Лизу, свою девушку, ей можно было поспать еще через пару часов. Они работали в разных местах, и расписание их немного отличалось. Она заворочалась во сне, что-то пробормотала. Максим наклонился к ней, тихонько погладил по плечу, и нежно поцеловал в лоб. Она еще раз неразборчиво и быстро сказала какую-то фразу, повернулась на другой бок и вновь погрузилась в глубокий сон. Он перевёл будильник на два часа вперед, тихо оделся и вышел из комнаты, притворив за собой дверь.

До выхода на работу оставался еще час времени. Максим набрал в чайник холодной воды и поставил его на плиту. Насыпал в широкую чашку немного кукурузных хлопьев, залил их холодным молоком и оставил размокать. Он не был гурманом в еде, предпочитая кулинарным изыскам простую еду. Может, дело было в его неприхотливости, а может – в обычной человеческой лени. Готовить он умел, и занимался этим, когда было желание. Но чаще, как правило – по утрам, он не был озадачен качеством и сложностью блюд. Важнее было наличие пищи как таковой. Поэтому на завтрак он часто довольствовался быстро готовящейся едой, яичницей или бутербродами. Оставив хлопья доходить до готовности, он отправился в ванную, дабы привести себя в порядок.

Максим никогда не был торопливым человеком. Еще с детства в нём откуда-то появилась привычка делать все вещи чуть-чуть заранее. Нельзя сказать, что он пытался быть готовым ко всему, просто в такой ситуации он чувствовал себя намного увереннее. Быть может, причиной тому стали его собственные жизненные наблюдения. Сколько раз он замечал за собой, что когда подходит какой-то важный момент, он терялся и не был готов. Потом начинал нервничать, торопиться и, зачастую, что-нибудь упускал из виду: то одно, то другое. Наверное, в один из таких моментов появилась какая-то внутренняя установка делать всё немного наперёд. И именно следуя этому своему настрою, он просыпался на работу чуть-чуть заранее.

Только полтора месяца он работал на постоянной основе. До этого пару лет после института перебивался случайными заработками. Писал разовые статьи в различные газеты, иногда продавал редакциям удачные фотоснимки. Не гнушался и физической работы – потребность в грузчиках еще никто не отменял. Теперь удалось закрепиться в газете в качестве штатного репортёра. Хотя и с испытательным сроком, но это была стабильная работа со стабильной зарплатой. В этой связи Максим ощущал существенный подъем самооценки, хорошую мотивацию и желание работать. Последнее подкреплялось еще и тем, что после испытательного срока ему обещали выделить отдельную полосу в газете, ближе к концу.

Как раз перед разделом прогноза погоды и юмора. Но пока, на время испытательного срока, ему доверяли лишь узкую полоску текста на последней странице. Там он описывал самые разные события из жизни города, благо в выборе тем его никто не ограничивал. Конечно, он понимал, что последнюю страницу газет часто читают в последнюю очередь. Но продолжал стараться, расписывая очередное мероприятие или происшествие.

Поначалу, когда он только пришел в редакцию, Шеф несколько раз вызывал его к себе в кабинет. Разумеется, не для чаепития. Он разносил в пух и прах его колонку, шумел и всячески придирался к содержимому. Первую неделю Максим даже подумывал бросить эту работу. Но спустя несколько дней кто-то из коллег шепнул ему по секрету, что Шеф всегда так ведёт себя по отношению к новичкам. И этот коллега, так же по секрету, сказал, что на деле у Максима получается довольно хорошо. По крайней мере, по сравнению с предыдущим работником на этом месте. Поэтому Шеф его и не увольняет, а даёт шансы показать себя.

В этой связи Максим немного расслабился и решил погрузиться в своё дело с головой. Тем более, он сам заметил, что Шеф с завидной регулярностью вызывает к себе всех сотрудников редакции и даёт им нагоняй. Видимо, он расценивал такое своё руководство как элемент стимуляции деятельности. И, надо отдать должное, у него это получалось хорошо.

Вот и сегодня, как обычно, он отправится на работу чуть пораньше, получит очередной стимул от начальника, и займётся своей обычной работой, которая ему начала даже нравиться. А пока он собирается, на кухне греется чайник и разбухают хлопья. Раздаётся постепенно нарастающий свист – вода закипела. Максим спешит на кухню, выключает плиту. Стараясь не вызывать шума, идёт в комнату, проверить, не проснулась ли Лиза. Нет, только повернулась на другой бок. Он возвращается на кухню, готовит себе бокал растворимого кофе. Ставит его рядом с хлопьями, остывать, и возвращается в ванную, заканчивать утренние сборы.

Чуть меньше, чем через час Максим уже вышел из дома. Погода этой осенью выдалась хоть и не очень теплая, но позволяла не одевать на себя слишком много одежды, хватало обычного легкого плаща. Небо еще не просветлело, но было видно, что дождя в ближайшее время не предвидится. Медленно ползущие облака были не плотными, с прорехами, сквозь которые можно было разглядеть пока ещё тёмное небо, с уже тускнеющими звездами. Но звездный свет по своей силе не мог тягаться с плотно расставленными вдоль дороги уличными фонарями. Ветер в это утро гулял всё выше к небесам, время от времени редкие порывы его спускались ниже, раскачивая деревья, уже стремящиеся освободиться от пожелтевшей листвы, да охватывая пока еще малочисленных прохожих. Вот и теперь, один такой поток холодного воздуха налетел на Максима, напоминая о необходимости запахнуть плащ плотнее. Тот поёжился, поправил разметавшиеся полы одежды, и двинулся в сторону метро.

Ближайший спуск к станции подземки находился примерно в десяти минутах ходьбы. Добравшись до входа, Максим нырнул по лестнице в глубины переходов, смешиваясь с уже изрядным количеством точно таких же людей, спешащих кто куда по своим делам. Створки турникета открылись при проведении магнитной карты над считывающим устройством, и пустили его вглубь, ближе к тоннелям, в тёплый и немного влажный воздух подземной станции.

Ожидание на перроне не продлилось долго. Через пару минут прибыл поезд, и медленно остановился возле посадочной платформы. Стоянка была короткой, но достаточной, чтобы часть пассажиров покинула вагон, сменив собой ожидающих людей. В числе последних был и Максим. Свободных сидячих мест внутри уже не было, он прошел ближе к центру вагона и нашел небольшой участок незанятого пространства возле аварийного выхода.

Облокотившись на поручень, он окинул взглядом окружающих людей. И так же, как они, принялся со скучающим видом ждать отправления.

Обычно дорога до работы занимала около двух часов. Максим предпочитал метро всем остальным видам транспорта. Наземное общественное сообщение было слишком долгим, его квартира и работа находились на диаметрально противоположных концах города. Своего личного транспорта он пока не приобрёл. «Это не нужно» – говорил он себе. – «Всё равно по городу добираться будет еще дольше, учитывая каждодневные пробки». А заторы на дорогах всегда были слабым местом наземного сообщения. Максим недавно коснулся этого не по наслышке – он освещал в своей маленькой колонке вопрос о предстоящем строительстве очередных дорожных развязок и расширении существующих дорог. Вопрос пробок всегда был открыт для обсуждения, многие тысячи автомобилистов проводили по несколько часов в день, слушая радио и ожидая хоть малейшего движения в плотном потоке машин.

Он не раз представлял себе, как может выглядеть эта картина с высоты хотя бы в несколько сотен метров. Вот наступает вечер, сгущаются сумерки, вдоль дорог включается уличное освещение. Но и без него достаточно света – от витрин магазинов, разных иллюминаций, автомобильных фар. И если посмотреть сверху, кажется, что город – это огромный организм, пронизанный сотнями дорог-сосудов, в каждом из которых остановилось движение крови. Пробки выглядят как длиннющие освещенные сгустки, медленнодвигающиеся во всех направлениях. Организм задыхается, ему не хватает кислорода. Он пульсирует в своём медленном и напряженном ритме, пытаясь удержаться от обморока. К позднему вечеру организму становится легче, течение крови облегчается, скорости нарастают. И вот уже, далека за полночь, по дорогам-сосудам пролетают лишь единичные кусочки света, запертые в узких полосках дорог, ограниченных фонарными столбами. А с утра всё начинается заново...

Спустя два часа и несколько попыток уснуть стоя Максим добрался до нужной станции. Выйдя из вагона, он вместе с людским потоком поднялся на поверхность. За время поездки уже рассвело, но облака оставались на небе, окрашивая его в тяжелый серый цвет. Ветер уже успокоился, и деревья были неподвижными.

До здания редакции было рукой подать. Оно было не новым, но довольно добротно построенным. Кирпичная кладка, два этажа, плоская крыша. Позади здания, во дворе, располагалась стоянка на несколько мест, соединенная с основной улицей узким тоннелем подворотни.

Максим вошел в холл, поднялся по лестнице. Собственно, редакция газеты занимала только второй этаж. Что было внизу – он не знал. Его взгляду предоставлялся только холл с турникетом, и вечно скучающим охранником в купе. Лестница сразу поднималась наверх, а позади неё, дальше по коридору было несколько всегда запертых дверей. Может, первый этаж пустовал. А может, сдавался под склады или офисы – было неизвестно. Но дела до этого Максиму не было, он направлялся к себе на работу, а работа располагалась на этаж выше.

Как только он устроился сюда работать, ему выделили место. Небольшой офисный стол, почти в самом углу большого помещения. Редакция вся располагалась на этом этаже, никаких стен почти не было. Лишь невысокие полуметровые перегородки, отделявшие одно рабочее место от другого. Да еще несколько толстых опорных столбов, предохранявших от падения крышу. Только кабинет Шефа являлся отдельным помещением. Это был участок офиса, отгороженный от окружающего мира стеклянными стенами с неизменно закрытыми жалюзи. Возле двери, почти всегда закрытой, располагался стол секретарши, да пара небольших диванчиков для ожидающих.

Добравшись до своего места, Максим снял плащ, повесил его на спинку кресла. Его рабочее место не отличалось от остальных – компьютер, телефон, разная канцелярская

мелочь да несколько листов исписанной бумаги. Обычный рабочий беспорядок, оставшийся с прошлого вечера.

– Максим, привет. – услышал он голос из-за спины. Это была его коллега, Лена. Она занималась разделом погоды на последней странице газеты. Довольно бесполезная рубрика, считал Максим, учитывая развитие технологий и интернета. Кто будет читать прогноз погоды в газете? Но, тем не менее, Лена успешно работала и не перетруждалась. Он уже не раз видел, как составлялся прогноз погоды. Просматривались последние сводки метеоцентров, набирался текст – и всё. Но видимость работы Лена создавала куда более качественно. Стоило кому-то приблизиться к её столу, сразу же создавалось задумчивое лицо, изображалась работа мысли, отвлекать можно только по срочному и важному делу. А по большому счету, она проводила весь день, просматривая онлайн-каталоги одежды или общаясь с подружками в социальных сетях.

– Привет – кивнул он в ответ.

– Пойдёшь сегодня на летучку? А то мне вчера Света шепнула, что Шеф сегодня будет всех собирать и говорить что-то важное. Но не очень приятное.

Света была секретаршей Шефа, и иногда могла подсказать заранее, когда и кому ожидать репрессий.

– Конечно, пойду. Куда же еще деваться. – улыбнулся Максим. – Вот только выдохну с дороги.

Утренние плановые совещания мало отличались одно от другого. Большая часть сотрудников собиралась в кабинете Шефа, где и начиналось обсуждение различных рабочих вопросов: у кого какие предложения, свежие темы, соображения по содержанию. В последнее время часто вспоминали о рейтингах издания. Медленно, но неуклонно этот показатель снижался. Возможно, причиной тому было отсутствие мало-мальски интересных статей, а это вызывалось отсутствием подходящих тем в окружающей жизни. А в свете снижения востребованности газеты всё чаще проявлялось недовольство главного редактора.

Его звали Александр Васильевич Капин. Но за глаза все сотрудники называли его «Шеф». Вроде и не обидно, но давало повод почувствовать себя своего рода партизаном. «Шеф сегодня то, Шеф вчера это...». Конечно, при лично общении все коллеги обращались к нему исключительно по имени и отчеству.

Это был невысокий человек, немного склонный к полноте, с округлым лицом, которое казалось еще круглее из-за высокого лба, переходящего в лысину на макушке. В свои неполные сорок пять он выглядел гораздо старше, лет на десять. Видимо, накладывала отпечаток занимаемая должность и довольно импульсивный склад характера. А характер у него был довольно сложный. Это был требовательный человек, нацеленный на результат, а не на способы его достижения. К подчиненным относился с умеренным уважением, не принижал, но когда был чем-то недоволен, возражать ему не было смысла. В эти моменты он просто орал. Сплошным текстом, не слушая собеседника, он выкладывал всё, что он думает о конкретном вопросе в частности и о ситуации в целом. Никто за это даже и не думал обижаться, на личный счет не принимали, но к его требованиям как начальника прислушивались. Поэтому было ожидаемо, что утренние планёрки по средам неизменно заканчивались обильным словоизлиянием Шефа, и всем нужно было лишь дожидаться окончания.

В центре кабинета располагался Т-образный стол, в главе которого восседал сам Шеф. Вдоль стола обычно располагались наиболее важные представители газеты: репортёры первой полосы, фотографы и подобные «важные» люди. Остальной персонал типа обзорщиков третьесортных новостей, ведущие мелких колонок, верстальщики занимали сидячие места вдоль стен, где были расставлены простенькие стулья со спинками. Вот и сегодня ситуация

была примерно как обычно. Максим вошел одним из последних и занял свободный стул почти возле двери.

Прошло несколько минут. За это время Шефу доложили всё, что были должны. Про планируемые статьи, про отсутствие серьезных тем. Про рейтинги. После чего все затихли и стали ждать его реакции. Он еще полминуты молчал, потом встал, обвёл всех тяжелым взглядом и начал:

– Вы все прекрасно знаете, какое сейчас непростое время для бумажных изданий. Постепенно интернет вытесняет большинство традиционных источников информации. Нам всё сложнее и сложнее поддерживать конкуренцию!

Он облокотился на стол прямыми руками, и продолжил уже на более высокой ноте:

– Или мы все стали работать плохо, или отдельные здесь присутствующие портят хорошую работу остальных! Соберитесь, в конце концов! Надо работать лучше! Рейтинги падают!! Газета плохо продаётся! Интересных тем совсем не стало!!...

Постепенно он распалялся, при этом начал расхаживать возле своего стола из стороны в сторону. Все присутствующие сидели неподвижно, и некоторые следили за ним глазами, а остальные начали пристально изучать пространство перед собой, опасаясь даже вздохнуть громче, чем нужно.

– И, спрашивается, кто будет читать газету, в которой нечего читать! Сколько раньше бывало статей даже за неделю?! И что сейчас!! Перепечатаваем светские хроники с других изданий? Прогнозы погоды, которые не совпадают с реальностью?! Вчера было обещано ясное солнце! А за окном что?!

Он посмотрел на улицу, как бы пытаясь ответить на свой вопрос.

– Неужели вы даже это не способны подать правильно?!!

Вопрос был задан в пустоту, но Максим боковым зрением увидел, что Лена вся сжалась и замерла.

– Зачем нужна газета, если нет подписчиков. А наши читатели скоро от нас откажутся!!!

На этом месте он уже побагровел. Редактор и в обычном состоянии выглядел неважно, а сейчас, с наливающимся кровью лицом – Максим всерьез забеспокоился, не хватит ли того удар. Он читал, что у людей при сильном стрессе может даже случиться инсульт. Но редактор взял себя в руки, глубоко вдохнул и опустил обратно в кресло. Лицо вновь начало приобретать нормальный оттенок, дыхание пришло в норму.

Он произнёс, уже намного спокойнее: – На сегодня всё. Идите работать.

Подчинённые безропотно поднялись со своих мест и стайкой потянулись к двери, никто не хотел задерживаться тут дольше необходимого. Внезапно в тишине вновь раздался голос Шефа:

– Кальнов, останься.

Максим замер. Общаться с начальником, когда он в таком настроении, хотелось меньше всего. Проходящие мимо коллеги сочувственно улыбнулись, кто-то скорбно покачал головой.

Наконец, последний из них вышел, закрыв за собой дверь. Максим остался с Шефом один на один. Молча стоял на своём месте, там, где его застало распоряжение начальника.

Тот внимательно смотрел на Максима, как будто видел его впервые в жизни.

– Ты ведь недавно у нас работаешь, да?

Максим кивнул, но так и остался стоять.

– Садись, надо поговорить. Есть для тебя отдельное задание.

Молодой человек присел на боковой стул, приготовился слушать. Шеф еще раз внимательно посмотрел на него. Затем набрал в легкие воздуха, шумно выдохнул и произнёс себе под нос, как бы договариваясь о чем-то с самим собой.

– А, черт с ним. Была не была...

Максим уже бывал в этом кабинете тет-а-тет с шефом. Но еще никогда не приходилось оставаться после совещания, это было странно и необычно. Как правило, в середине дня, когда люди начинают немного расслабляться к обеду, раздавался звонок внутреннего телефона и секретарша Света вызывала кого-то из сотрудников на ковёр. Такое же несколько раз случилось и с Максимом. Но чтобы вот так сразу, с утра, получить нагоняй – к этому Максим не был морально готов.

Однако, ситуация не была похожей на обычную. Шеф вёл себя спокойно, дождался, пока все выйдут, и только потом начал говорить – совершенно спокойным, ровным голосом, какого Максим еще ни разу не слышал. Он даже раньше ни разу не задумывался, а может ли его начальник разговаривать спокойно? Как оказалось, может.

– Тебя ведь зовут Максим, не так ли? – немного вкрадчиво спросил Шеф.

Тот кивнул.

– Для тебя, Максим, у меня будет особое задание. Ты когда-нибудь брал интервью?

Молодой человек отрицательно покачал головой.

– Ты вообще говорить-то умеешь? Или ты немой?

– Да. То есть нет. – растерялся Максим. – То есть, да, умею говорить.

– Вот и хорошо. – обрадовался Шеф. – Тебе нужно будет взять интервью у одного человека. А если не умеешь разговаривать, то ничего и не получится.

Максим немного опешил. Он никак не ожидал именно такого задания. В лучшем случае, написать какую-нибудь статью вместо внезапно заболевшего сотрудника. Но брать интервью – такое поручали уже опытным репортёрам, каковым он себя ну никак не считал.

Шеф тем временем продолжал: – Может быть, ты слышал: пару недель назад освободили от изоляции одного человека.

С этими словами он извлёк из ящика стола недавний номер одного из конкурирующих изданий.

– Вот, посмотри. Выпуск двухдневной давности, от понедельника. Это у меня не с целью плагиата, просто купил почитать, – подмигнул он Максиму, – уже многие газеты начали писать об этом, да всё почти одно и то же.

Максим взял в руки газету, развернул её перед собой. Шеф, между тем, продолжал:

– Человек отбывает пожизненное наказание. За последние тридцать лет он не виделся ни с одной живой душой.

На первой странице газеты крупным шрифтом значилось: «Иван Шлыков. Изоляция закончена!».

Максим поднял глаза. Сразу было понятно, что он не имеет ни малейшего представления о теме разговора.

– А кто это такой, Иван Шлыков? – спросил он.

Шеф откинулся на спинке кресла, на несколько секунд задумался. Взгляд его поднялся вверх, вспоминая что-то очень далёкое.

– Тогда еще я был подростком, когда на всю страну прогремело дело Шлыкова. Подробностей сейчас уже не вспомню. Но практически все знакомые мне люди интересовались этим делом. То ли он был маньяком, то ли наёмным убийцей... Не могу сказать точно. Я тогда мало интересовался событиями, которые не касались меня лично. Но дело не в этом.

Максим, с газетой в руках, чуть наклонился вперёд, приготовился слушать. Шеф продолжал, уже тише:

– Поговаривают, что он был приговорён к изоляции не просто так. Большая часть материалов исчезла или утеряна за тридцать лет, а может быть, это просто официальная отго-

ворка. То, что есть в свободном доступе в архивах, практически не проливает свет на эту историю. Это было крупное дело, и довольно тёмное, осталось много пробелов. Поэтому все хотят первыми осветить эту тему в печати. Наверняка, кто-то из «наших коллег» – тут он хмыкнул, – уже планирует своё собственное журналистское расследование.

Максим не перебивал Шефа, продолжая сжимать газету в руках.

– Но, насколько мне известно, все столкнулись с проблемой. Всего одной, но довольно серьезной. – Шеф сделал многозначительную паузу. – Шлыков ни с кем не хочет говорить.

– Ну... может он не хочет раскрывать всю правду о себе – предположил Максим.

Шеф покачал головой.

– Как мне шепнули хорошие люди, он просто всех игнорирует, даже не отвечает на вопросы. Наши «первополосники» уже к нему ездили. Да, что греха таить, и я пробовал, да всё без толку.

Он встал из-за стола, обошел его и присел на край, поближе к Максиму. Голос его стал еще тише.

– Когда я к нему приехал, он также хранил молчание. Не знаю, может, по случайности, или еще по какой причине, у меня с собой оказался один выпуск нашей газеты. Я тоже внутренне был готов к отказу, но он внезапно заговорил. Попросил нашу газету, посмотреть. Читать её он даже не начал, просто пролистал. Замедлился только на одной странице, ткнул пальцем в маленькую колонку в конце. «Кто это написал?» – спрашивает – «С ним буду общаться». И газету мне вернул. Догадываешься, чья была колонка?

В горле Максима вдруг пересохло, он попытался ответить, но внятных звуков не получились. В итоге, он только кивнул.

– Так что у тебя намечилось задание. От основной работы я тебя освобождаю, вообще можешь хоть домой идти. Почитай про него, подумай, что спросить. Всё на твоё усмотрение. А завтра с утра заедешь, возьмёшь редакционную машину и поедешь в тюрьму. Я уже позвонил куда нужно, тебя пропустят. Поговори с ним, выясни, сколько сможешь. Материал должен быть еще тот...

Максим вернул Шефу газету, встал и молча направился к двери. Уже взявшись за ручку, он услышал голос редактора:

– Ты только пока не говори никому, ладно.

Пожизненное заключение с обязательной тридцатилетней изоляцией – таково было наказание Ивана Шлыкова. Тридцать лет назад, после допросов, сбора улик, длительного судебного заседания, его поместили в эту камеру. Жизнь здесь тянулась скучно и однообразно. День начинался с включения тусклого светильника под потолком, а заканчивался с отбоем. Камерой была маленькая комната, два на четыре метра, без окон. При включенном освещении становилось видно скудное убранство помещения. Узкая кровать вдоль стены, унитаз, совмещенный с умывальником – в углу. Три стены были пусты, лишь исчерчены старыми и непонятными надписями бывших обитателей. Посреди четвертой стены находилась железная дверь, с маленьким прорезанным окошком для подачи еды, которое всегда было закрыто.

Режим дня, как и недели, как и месяца – был далёк от разнообразия. Приём безвкусной еды трижды в сутки. Два раза в неделю – обязательный душ. Раз в неделю – вместе с едой появлялась случайная книга из тюремной библиотеки. Раз в месяц – часовая прогулка на свежем воздухе. Просто открывался замок на двери, она распахивалась и застыла в молчаливом ожидании. Если выйти, то оказывался в коротком мрачном коридоре. Дверь слева всегда была закрыта, дверь справа – в неё нужно было войти, после чего она захлопывалась. Прогулкой называли нахождение в бетонной яме, где вместо потолка было небо, отгорожен-

ное решеткой. Целый час он мог наслаждаться свежим воздухом и слышать звуки из внешнего мира. В это же время в камере производился обыск, уборка и смена белья. Он никогда не встречал людей, делавших эту работу. Он знал, что за ним наблюдают, через глазок висящей в углу камеры наблюдения. Но он даже не подавал виду, что его это беспокоит. В изоляции нельзя сдаваться. Иначе разум очень быстро давал трещину и человек терял связь с реальностью. А дальше только два пути: или в петлю, или в психушку. Но Иван знал – скоро всё должно было закончиться.

Срок его изоляции подошел к концу. В этот день он встретил первых людей за последние годы. Дверь его камеры открылась, на пороге стояли двое охранников. Один со стороны наблюдал за ними, пока второй одевал наручника. Его перевели в другую камеру, и он получил статус обычного заключенного. Ему было разрешено читать свежую прессу, раз в неделю смотреть телевизор, и, самое главное – принимать посетителей.

Вот последнего было хоть отбавляй. Регулярно к нему являлись один, а иногда даже два репортёра за день. Все дозарезу хотели с ним поговорить, задать свои банальные вопросы. Пытались разговорить его. Предлагали разные сделки. Но он понимал, что должен быть осторожен. Он знал, что часть материалов его дела открыли для доступа общественности. И что вопросы к нему последуют. Он знал, что в его деле было много непонятного, а порой, даже странного – он об этом позаботился еще тогда, тридцать лет назад. Так что теперь ему оставалось только ждать, день за днём игнорируя каждого нового визитёра. Ему оставалось лишь дожидаться нужного человека.

Глава 2

Домой Максим отправился ближе к обеду. После разговора с Шефом он вернулся на своё рабочее место и какое-то время думал. Время от времени проходящие мимо коллеги останавливались и прерывали его размышления вопросами о беседе с начальством, в шутку интересовались, сильно ли ему досталось.

В конце концов, думал Максим, такое тоже случается. По крайней мере, это событие имело право на существование. Интересно, повезло ли ему? Всё-таки Шеф дал ответственное задание, и Максим был бы рад попробовать и сделать всё, что потребуется. Но разговаривать с человеком, который был настолько опасен для общества, что его упрятали в одиночную камеру на столько лет – это смущало и пугало одновременно. Но – успокаивал себя Максим – он ведь будет не один на один с заключенным. Наверняка, за ними будут присматривать, всякие там охранники и системы наблюдения. Тем не менее, неприятное ощущение беспокойства стойко укоренилось у него внутри.

Он попытался поискать хоть какие-то сведения о своём завтрашнем собеседнике. Покопался в интернете, попробовал добраться до архивов, но всё без толку. Кроме того, что информации он нашел очень мало, его постоянно отвлекали от чтения тем или иным делом. В конечном итоге, он решил отправиться домой. Там тоже есть компьютер и всемирная сеть. А еще есть тишина, чай и любимая девушка. Да и Шеф лично освободил от любой другой работы. Максим собрал свои немногочисленные вещи, накинул плащ и покинул редакцию.

Зайдя в квартиру, он сразу понял, что Лиза проспала. Постель не убрана, вещи разбросаны по полу. На кухне недопитая чашка кофе. Максим улыбнулся. Он вспомнил, какая суматоха бывала по утрам, когда ей надо было еще кроме работы, успевать в институт. Хотя сейчас было полегче, сессия у неё начиналась только через два месяца.

Она училась на заочном отделении, на филолога. Собственно, в институте они и познакомились. Максим до сих пор иногда вспоминал тот день. Он зашел по делам в деканат факультета, где раньше учился. Ему понадобилось взять какую-то справку, тогда еще для устройства на работу. Справку ему выписали, но не хватало подписи кого-то из руководства. Время было ближе к полудню, и никого из начальства на месте не было, скорее всего отправились обедать. Чтобы скоротать время, он отправился в студенческий кафетерий, в этом же здании. Еще со времени учебы он знал, что там можно вкусно и недорого перекусить.

Он попросил кофе и пирожное, оплатил заказ и уселся за угловой столик, единственно свободный на тот момент. Пока кофе был еще горячим, Максим о чем-то задумался, он уже и не помнил точно. Минуту спустя его оторвал от размышлений голос девушки: – Можно к вам подсесть? А то здесь кругом ни одного свободного места.

И, не дожидаясь ответа, легко опустилась на стул напротив: – Меня зовут Лиза.

Примерно через месяц после знакомства они уже снимали вместе квартиру. Именно ту, в которой жили сейчас. Цена аренды была умеренной, и их устроило расположение, Лизе было удобнее добираться в институт. Она тогда еще училась на третьем курсе института, и подрабатывала там же, где и сейчас. Иногда они вместе думали о будущем, об окончании её учебы. Она хотела найти более достойную работу, которая доставляла бы удовольствие, не исключала и открытие своего дела. Но пока приходилось довольствоваться тем, что есть. Поэтому она часто исчезала на несколько часов, чтобы заработать лишних денег.

Вот и сейчас её не было дома, и когда вернется – было неизвестно. Максим решил в её отсутствие заняться тем, что так и не удалось сделать в редакции, а именно – немного ознакомиться с темой завтрашней поездки.

Он вскипятил воды, приготовил себе чай и уселся перед экраном монитора.

Лиза работала торговым представителем небольшой фирмы, которая занималась снабжением. Работа заключалась в следующем: взять список адресов у главного менеджера в офисе, затем посетить указанных клиентов. Обговорить с ними их текущие потребности, оформить заказ и вернуть бумаги обратно в офис. Количество потраченного времени зависело только от количества клиентов, и от их удалённости одного от другого. Работа непыльная, но иногда приходилось поехать. Ей машина была просто необходима.

Сегодня Лиза добралась до офиса ближе к десяти. На дорогах основной поток уже схлынул, и даже на обычно загруженных улицах можно было ехать, не останавливаясь. Как показывала практика, приезжать на работу рано было совершенно бессмысленно. Мало того, что ехать придётся в два раза дольше, так и после приезда – отправляться по клиентам слишком рано. Обычно ей поручалось посещать лишь мелкие магазинчики и точки общепита. Почти все они начинали работать с восьми, но раньше десяти к ним приезжать тоже не следовало: по утрам всегда был довольно густой поток посетителей, и Лизе не всегда могли уделить достаточно внимания.

Руководство в офисе тоже довольно спокойно относилось к позднему началу рабочего дня. Если сотрудник успевал обслужить все точки – молодец. А если нет – следовали неизменные трудовые репрессии в виде штрафов, с последующим увольнением. Но настолько свободный график можно было найти далеко не везде, и многие сотрудники, которые еще учились, старались удержаться на этой работе.

Сегодня в её задачу входило посещение всего двух точек. Лиза уже не раз бывала там, и немного знала хозяев. Первым был кореец с фамилией Ким, содержал маленький магазинчик с замороженными полуфабрикатами. А вторым пунктом – небольшое кафе, с добродушной хозяйкой Светланой.

– Привет! – обратилась Лиза к старшему менеджеру. – А почему сегодня так мало заказов?

Тот не ответил, лишь махнул рукой и с кислой миной уставился обратно в монитор. Девушка пожала плечами и отправилась по маршруту.

Ким, как всегда, был радушен. Оставив вместо себя помощника, пригласил Лизу в заднюю комнату.

Усадил на диван, поставил на стол заварочный чайник.

– Угощайся, прошу – улыбнулся он.

Ким почти всегда был рад гостям. Когда мог, уделял им максимум внимания. Лишь когда в магазине было много народу, просил немного подождать. Но сегодня было тихо, и он, видимо, вознамерился передохнуть и попить чаю в компании приятной девушки.

Хотя, было ли это чаем, Лиза не была уверена. Вполне возможно, это была одна из тех безумных травяных смесей, которую Ким привык пить у себя на родине. По крайней мере, запах никак не напоминал чай.

Она уже собралась достать каталог, но кореец жестом остановил её.

– Не надо, я тебе так скажу, чего привезти.

«Ну что ж, так даже лучше» – подумала она, убирая толстую папку обратно в сумку и раскрывая блокнот.

– Привези мне, пожалуйста, тех мороженных куриных котлет, пару коробок – начал он. – И еще креветок, пару больших ящиков, очень быстро их разбирают. И еще сосисок, пакета три больших. Посвежее.

Лиза отметила в блокноте всё сказанное.

– Больше ничего?

– Еще кое-что. Попробуй чай. Это хороший чай, мне с родины прислали.

Она уже собиралась отказаться, но потом передумала. Взяла чашку, вдохнула аромат. Такого чая она никогда не пробовала.

Запах был незнакомый, немного резкий, но не неприятный. Сделала пару глотков. Вкус тоже был не чайный.

– Что это за чай, Ким? Я такого никогда не пробовала.

– О, это хороший чай. Сделан из трав, хорошо бодрит и тонизирует.

Он указал на заварник: – Добавить тебе еще?

– Нет, спасибо. Я побегу. Еще нужно людей объехать, работа такая.

– Ну раз работа, то беги. А так заходи, еще чаем угощу. Мужу привет передавай.

Она встала, направилась к двери: – Спасибо, Ким. Передам.

Следующая остановка была намного более кратковременной. Лиза подъехала к кафе, удачно припарковалась возле входа – машин рядом было совсем немного.

Войдя внутрь, она обнаружила пустой зал, лишь в дальнем углу сидел одинокий посетитель. Кроме кофе и ноутбука, на его столе больше ничего не было – скорее всего, ему просто хотелось посидеть в тишине.

Лиза направилась к барной стойке. Вместо хозяйки Светланы там сегодня была новенькая девушка-бармен. Настроение у неё, судя по виду, было не очень хорошее, но увидев Лизу, она собралась, и даже попыталась улыбнуться.

– Здравствуйте – начала девушка. – Я Лиза Чернова, у меня должна сегодня быть встреча со Светланой. Она здесь?

Поняв, что это не клиент, девушка моментально стала скучной: улыбка исчезла с лица, брови немного сдвинулись друг с другом, образуя складку на лбу.

Сухо поприветствовав Лизу, она достала откуда-то снизу лист бумаги и положила его на стойку.

– Это вам. Она велела передать список, и еще то, что не сможет с вами сегодня встретиться.

И, как бы заканчивая разговор, опустила глаза вниз и занялась своими делами.

Лиза молча взяла листок, повернулась и вышла из кафе. Усевшись в машину, она изучила записи. Всё было примерно как обычно: несколько блоков сигарет, несколько ящиков с прохладительными напитками, немного алкоголя. Опять же, немного замороженной пищи для приготовления на кухне. И внизу подпись: «Лиза, сегодня встретиться не могу. Если какие вопросы – звони». И номер телефона.

Ну какие тут могут быть вопросы. Она пометила в своём блокноте заказ, завела машину и отправилась обратно в офис.

После обеда в кабинете Шефа всегда было затишье. Но сегодня тишина казалась слишком уж давящей. Жалюзи слегка прикрывали уличные окна, образуя лёгкие сумерки, даже в довольно ясный день. Воздух в комнате замер, ничего не происходило. Движение можно было заметить лишь при глубоких вдохах хозяина кабинета. Он сидел за столом, обхватив голову руками. Закрыв глаза и напряженно думал. Правильно ли он сделал, отправив на такое задание неопытного новичка? Не испортит ли он всё дело? Хотя, с другой стороны, Шлыков сам выбрал его. Мотивы его были совершенно не ясны, и где-то в глубине своего сознания Шеф догадывался, что такое случилось не просто так.

Внезапно на панели телефона загорелась лампочка внутренней связи.

– Александр Васильевич, простите, что отвлекаю, – раздался из динамика голос секретарши, – но Вам звонят.

Шеф протянул руку и нажал кнопку ответа.

– Света. Я просил ни с кем меня не соединять. – уставшим голосом произнёс он.

– Но, – продолжил динамик, – Вы просили не соединять ни с кем, кроме НЕГО.

Редактор застыл, как изваяние, потом нервно сглотнул и севшим голосом ответил: –
Давай.

После чего снял трубку и приложил её к уху, ожидая ответа.

Выслушав собеседника, он коротко ответил:

– Да, разговаривал с ним. Он не хочет общаться ни с кем, кроме одного нашего сотруд-
ника.

В трубке раздался короткий вопрос.

– Да он молодой еще, у нас работает всего месяц.

Очередной вопрос на другом конце провода.

– Я ему поручил туда завтра съездить, – отчитался редактор.

Еще несколько слов в трубке.

– Как зовут? Максим Кальнов.

Через секунду на другом конце линии раздались короткие гудки...

Глава 3

Как правило, Максим не возвращался домой так рано, обычно он работал до позднего вечера. Лиза его прекрасно понимала: ему нужно было зарекомендовать себя, и приходилось стараться, вычитывать каждую строку своей заметки, чтобы не допустить огрехов. А редактора уже написанного текста давалась ему в разы тяжелее, чем сочинение нового. Поэтому его возвращения в темное время суток стали уже вполне привычными. Он каждый раз приходил и рассказывал ей, о чем написал сегодня. Иногда это было интересно, иногда не очень, но она каждый раз выслушивала его, и разделяла с ним радость от удачной работы.

Сегодняшнее раннее возвращение Максима стало для Лизы неожиданностью. Обычно она успевала вернуться раньше него, если вообще уходила на работу. А так и вообще могла весь день пробыть дома. Немного прибиралась в квартире, готовила ужин и чуть-чуть скучала. Но сегодняшнее его возвращение было исключением из правил.

Она вошла в прихожую и закрыла за собой входную дверь.

– Привет! – раздался из комнаты его голос.

– Привет. – отозвалась она. – Ты сегодня как-то сильно раньше обычного.

Он вышел из комнаты, помог раздеться. Убирая вещи в гардероб, произнёс: – Не бойся, не уволили.

В голосе его так и сквозила радость.

Он отправился на кухню, стал набирать воду в чайник. Через минуту послышался звук включаемой плиты.

– Будешь чай? – крикнул он из кухни.

Лиза тем временем разделась и прошла в комнату. – Да, буду, – негромко ответила она. Кричать нужды не было, она знала, что Максим её услышит.

Как раз в этот момент он вернулся из кухни. Довольный, он подошел и обнял её сзади за талию.

– Мне дали особое задание на завтра. От основной работы освободили, и я ушел пораньше.

– Кто же тебе такое поручил?

Максим широко улыбался: – Шеф, лично. Оставил сегодня после летучки и рассказал о предстоящей работе.

Лиза прочитала заголовок на экране монитора: «Иван Шлыков. Изоляция окончена!»

Тем временем Максим продолжал: – Он поручил мне взять интервью у одного человека. Вот я и решил, так сказать, ознакомиться заочно со своим будущим собеседником.

Лиза тем временем бегло прочитала статью.

– Это твой респондент? Особо опасный заключенный? – с беспокойством спросила она.

– Ну... в общем, да. Шеф рассказал мне немножко про него. Там было какое-то темное дело, много лет назад. Толком ничего ясного, нигде особо не найдешь.

Девушка обеспокоенно посмотрела на Максима: – А никого другого они не могут отправить? Почему именно тебя?

– Как тебе сказать. Шеф сказал мне, что этот вот Шлыков хочет общаться именно со мной.

Лиза забеспокоилась еще больше: – А откуда он про тебя знает?

Максим рассказал ей о разговоре с Шефом, как получился такой выбор, и почему именно ему нужно ехать.

– Наверное, – предположил он, – ему просто понравилось, как я пишу.

Она не ответила, лишь озабоченно покачала головой. Максим прекрасно понимал её беспокойство, но внутри всё равно сидело какое-то приятное ощущение радости от предстоящей работы.

В этот момент раздался свист чайника, они молча переглянулись друг с другом и отправились на кухню.

Несколько минут спустя они сидели за столом. Чай был заварен, печенье выложено на небольшое блюдо.

Сжимая горячую кружку в руках и как бы пытаясь согреться, Лиза спросила: – А за что его приговорили к такому наказанию? Всё-таки тридцать лет изоляции – это очень много. Я даже ни разу не слышала о подобных случаях.

Максим задумался на несколько секунд, сделал глоток чая: – Понимаешь, там какая-то непонятная история. Пока тебя не было, я немного покопался в интернете, пытался что-то найти. Сейчас, после смены его режима, часть документов из дела обнародовали. Доступ к архивам официально свободный, но реально допускают только очень узкий круг людей. Можно, конечно, записаться на очередь... И прождать еще месяц. Кто-то пишет, что в этих документах полезной информации очень мало, только общие фразы. История тогда была какая-то очень непонятная, мне даже Шеф об этом сказал. А он в таких вопросах обычно не ошибается. Поэтому все просто помешались на интервью. А Шлыков отказывается говорить вообще с кем бы то ни было. Вот, только в моём случае получилось иначе.

Лиза еще раз обеспокоенно посмотрела на Максима.

Тот улыбнулся: – Ну ладно тебе, милая. Ничего со мной не случится. Хоть изоляция в тридцать лет не проходит даром, не думаю, что стоит волноваться.

Появление изоляции как явления случилось около тридцати лет назад. Причины такого действия оставались неизвестными большинству населения страны, они остались погребены где-то в глубинах судебного аппарата. Ходили всякие слухи, которые потом домысливались и превращались в сплетни. Вариантов было огромное количество. Очень распространенным было такое мнение: официально сообщалось, что человек изолирован, а на деле его уже давно нет в живых. Или такое: для содержания изолированных камер тратилось по документам намного больше средств, чем было необходимо. Некоторые даже считали, что человек, который должен был быть изолирован, на самом деле спокойно гуляет на свободе. Вроде как это нужно кому-то из правительства. Проверить-то информацию никак нельзя, всё закрыто.

Но суть изоляции от этого не менялась. Это была особая мера пресечения, стоящая между пожизненным заключением и высшей мерой наказания. Последняя использовалась очень редко, и только в особых случаях. А вот изоляция начала находить своё применение всё чаще и чаще. Преступность по своей структуре изменилась. Преступники эволюционировали. От необразованных людей и грубых методов они дошли до высокотехнологичных способов нарушения закона. Зачастую закон начали преступать люди образованные и умные, с глубокими познаниями в той или иной среде. Наказывать их слишком мягко – было бы нецелесообразно. Слишком жёстко – неразумно, ведь они могли пригодиться в будущем. Поэтому золотой серединой оказалась изоляция.

Смысл был прост, как и название – заключенный отграничивался от окружающего мира. Полностью. Из доступных развлечений – только книги старинных изданий. И то, чтобы человек просто не сошел с ума. Контакта с чем-то за пределами камеры не было, это обеспечивалось особой конструкцией камеры. Многослойные полимерные стены исключали проникновение любого звука извне. Жесткий режим обслуживающего персонала не позволял общаться с заключенным. Постоянное однообразие и одиночество делали человека куда более сговорчивым с правительством по окончании заключения.

Но из всего этого вытекала довольно значительная стоимость пребывания. Именно поэтому к изоляции приговаривали только очень небольшой процент осужденных. А на такой длительный срок – всего одного.

Глава 4

Полдень приближался с тягостной неотвратимостью. С утра не было ни облачка, ветер тоже себя не проявлял. Солнце тянулось всё выше к центру синего неба. Хотя на дворе и стояла ранняя осень, казалось, что по жаре сегодняшний день может дать фору некоторым моментам лета. И хотя пока температура сильно не поднялась, казалось, что в пустыне наступает настоящий зной.

Тюрьма находилась в отдалении от города, окруженная прозрачной пустотой. Хотя, фактически, это место не являлось традиционной пустыней. Если посмотреть с достаточной высоты, то было видно, что эта голая плешь на поверхности земли имеет почти идеальную круглую форму. Создан это пустырь был лишь для одной цели – постройки тюрьмы особого режима, одной из немногих, где начали появляться первые камеры для изоляции.

Из унылого пейзажа в глаза бросалась только старая двухполосная дорога, проходившая почти прямой линией к воротам тюрьмы. Кроме неё, вокруг даже не за что было зацепиться взгляду. Никаких построек, никаких, даже самых маленьких деревьев. Только низкая редкая трава и колючий кустарник. Пустота здесь поддерживалась тоже искусственно – у стрелков на вышках должна быть прямая видимость на значительном расстоянии, на случай побега кого-то из заключенных.

Максим добрался до тюрьмы довольно быстро, учитывая, что перед поездкой он заехал отметить в редакцию. Там еще никого не было, четверг всегда был днём поблажек, никто не приходил на работу ровно к девяти. Он взял ключи от машины у охранника, расписался за них и вышел.

Дорога заняла не больше двух часов. Но Максиму уже становилось жарко. То ли осеннее солнце палило с особой жестокостью, то ли он оделся теплее, чем следовало. А может, причиной было нешуточное волнение. Предыдущую ночью он почти не спал, пытался представить себе, как пойдёт разговор, о чём следует спрашивать заключенного. А вдруг бы он внезапно потерял интерес к разговору, и Максим вернулся бы в редакцию ни с чем? И как стоит себя вести? Сможет ли Шлыков понять, что репортер еще зеленый и неопытный? И повлияет ли это на интервью?

Но, хоть он и мало спал, усталости как не бывало, мандраж только усиливался. Он доехал до ворот тюрьмы и припарковался на небольшой стоянке, чуть в стороне. Стоянка эта была небольшая, но даже более чем на половину пустовала. Несколько машин стояло то там, то тут: видимо, это машины сотрудников, которые приезжает сюда на работу.

Он остановился, заглушил двигатель. Открыл дверь, и лицо обдало потоком прохладного воздуха. Теперь, в сравнении, Максим понял, что в салоне машины просто было слишком жарко от палящего солнца. Ведь он ехал с закрытыми окнами, и кондиционер не включал. Не об этом были его мысли.

Он посидел еще пару минут, освежая голову и приводя мысли в порядок. Потом достал с заднего сиденья свою сумку, проверил содержимое. Документы, карандаш, блокнот, диктофон. Ключи от дома, проездной на метро. Ничего больше ему сегодня не пригодится. Он посидел еще несколько минут, потом вышел, запер машину и двинулся к воротам тюрьмы.

Максим двигался по направлению к воротам. Он не знал, но уже сейчас за ним наблюдали. В самой дальней части автомобильной стоянки был припаркован серый неприметный седан с затемненными стеклами. В нем на передних сиденьях были двое мужчин. Лица их не выражали эмоций, они не разговаривали между собой, не занимались посторонними

делами. Оба неотрывно следили за молодым человеком. Когда Максим прошел уже половину расстояния, тишину вдруг нарушил голос того, что был за рулём.

– Проверь, никто ли его не ведёт? – распорядился он тихим голосом без эмоций.

Второй еле заметно кивнул и вновь уставился в спину идущего репортёра. Но взгляд его уже был другим. Он не выражал ничего, и был направлен одновременно на Максима и куда-то в пустоту. Прошло несколько долгих секунд, казалось, что застыло время.

Внезапно идущая далеко впереди фигура потеряла равновесие, споткнулась и растянулась на асфальте, нелепо раскинув руки. Он какое-то время барахтался в пыли, потом поднялся на ноги и двинулся дальше, оглядываясь по сторонам и теперь уже более внимательно смотря под ноги.

Взгляд пассажира седана вновь стал вполне человеческим. Он отвел глаза от своей цели, несколько раз моргнув, будто после попавшей пылинки: – Нет, я ничего странного не ощущаю. Похоже, он до сих пор ничего не знает и не догадывается. Иначе мне бы не удалось его так легко повалить.

– Тогда будем ждать. – ответил первый и откинулся на спинку кресла.

Здание тюрьмы находилось на небольшом отдалении от парковки. Со стороны могло показаться, что это не что иное, как неприступная крепость, возведенная уже в нашем веке. Высокие стены были украшены линиями колючей проволоки, с пропущенным по ним электрическим током. По углам стен располагались башни дозорных, которые несли свою службу днём и ночью. И как в древности, охраняли от опасности. Только в нашем времени опасности заключались внутри.

Стены казались гладкими на всём протяжении, их не прерывали ни промежуточные столбы, ни бойницы, ни двери или ворота. Поверхность их нарушалась только немного выступающими наружу глазками камер наружного наблюдения. Они были развешаны на небольшом расстоянии, чтобы каждая из них своим сферическим оком охватывала двух ближайших соседок. Лишь в области ворот камеры были более традиционной формы, видимо, чтобы не искажалось изображение. Для более тщательного наблюдения за визитёрами.

Максим неторопливым шагом приближался к воротам. При ближайшем рассмотрении они оказались куда внушительнее, чем казалось издалика. Это была огромная створка, высотой в несколько метров, которая не открывалась, как дверь, а откатывалась в сторону, исчезая в недрах стены. Степень открытия контролировалась кем-то из охраны, в глубинах этого сооружения. При необходимости, просвет ворот мог открыться настолько, что в него могли бы въехать сразу пара автобусов.

Поверхность ворот тоже была гладкой почти на всём своём протяжении, за исключением левого нижнего угла: здесь было вырезано небольшое смотровое окно. С виду хрупкое, оно было выполнено из многослойного стеклопластика, способное выдержать попадание гранатомёта. Рядом с ним, чуть ниже, располагался динамик и микрофон для связи. Никакого звонка не было, за входом наблюдали круглосуточно и вызывать охрану не было необходимости – о госте уже знали заранее. Максим двинулся к окошку.

Проделав половину пути, он вдруг почувствовал себя неудобно. Что это было, он объяснить не мог, просто появилось ощущение тяжелого колючего взгляда в затылок. Он продолжил идти вперёд, но внезапно одна его нога перестала слушаться, зацепилась за другую, и он полетел прямо на пыльный асфальт, едва успев выставить перед собой руки. Он еще секунду лежал без движения, прислушиваясь к своему организму, но то неприятное чувство пропало. Максим убедился, что нигде ничего не сломано, и только потом встал на ноги.

Несколько раз хлопнув по брюкам, он отряхнул насевшую на них пыль и быстро осмотрелся. Никого кругом не было, кроме холодных взглядов камер.

«Это всё нервы» – решил Максим, и продолжил своё движение к воротам.

Подойдя к окошку, он остановился, не зная, что делать. Секунду спустя на другой стороне стекла появилось суровое лицо охранника. Короткая стрижка, низкий лоб, широкие скулы. Холодный оценивающий взгляд.

– Предъявите документы, пожалуйста – вежливо, но твёрдо попросил-потребовал голос из динамика. Вместе с этим Максим видел, как двигается рот мужчины.

Он достал из сумки удостоверение, приложил его к стеклу.

Охранник внимательно изучил всё написанное, сверил лицо Максима с фотографией, затем коротко спросил: – Цель визита?

– Посетитель. К Ивану Шлыкову.

Человек на другой стороне стекла поднёс ближе к глазам список разрешенных посетителей.

– Да, есть. Отойдите на шаг назад, я открою ворота.

Изнутри стены раздался тихий низкий шум, похожий на гул двигателей. Створка медленно поползла в сторону, открывая перед Максимом узкий проход.

Внутри, сразу у ворот, Максима ожидал тот самый охранник, с которым они общались через стекло. Он жестом пригласил гостя следовать за ним и отправился вглубь внешнего двора. Максим двинулся за ним. Они миновали первый контрольно-пропускной пункт, прошли еще одни небольшие ворота и вошли в здание. Двигаясь по узким коридорам с низким потолком, Максим почувствовал себя неудобно. Хорошо, что он оказался здесь лишь в качестве визитёра. Никому не хотелось бы обитать в этом месте.

Дойдя до места назначения через несколько минут, они остановились перед решетчатой дверью, открывавшейся в неожиданно широкий коридор. Было видно, что левую его стену образовывали решетки камер, а в правой стене под потолком вырезаны узкие окна, которые лишь только позволяли увидеть дневной свет.

Возле входа в этот коридор стоял небольшой столик, на нём находился монитор для наблюдения и журнал. Видимо, записывать посетителей. Во главе стола восседал еще один охранник.

Сопровождавший Максима передал его коллеге, а сам развернулся и молча отправился обратно. Сидевший за столом начал оформлять визитёра в журнал.

Закончив, он протянул Максиму ручку: – Распишитесь.

Тот наклонился к столу, и, пока расписывался в своей строке, окинул взглядом имена предыдущих гостей. Большинство он не знал, но попадались имена и довольно известные в газетных кругах. Краем глаза он даже успел увидеть запись Шефа.

– Прошу Вас сдать все мелкие вещи: ключи, телефон, скрепки, расческу и тому подобное. Вы ведь журналист? С собой можно только карандаш и блокнот, еще, если хотите, можно диктофон. К камере близко не подходить, в физический контакт не вступать. Ничего не передавать заключенному. – Голос охранника был монотонный и скучный, как будто он повторял эту фразу изо дня в день уже очень долгое время. Хотя, возможно, так и было.

Он поставил перед Максимом пластиковый лоток для вещей: – Когда будете уходить, заберёте.

Пока Максим освобождался свои карманы от всех лишних предметов, охранник добавил: – Я Вам там стул поставил, напротив камеры. И не волнуйтесь, я буду приглядывать за ситуацией, как бы чего не вышло. – он указал на монитор на столе.

С этими словами он открыл замок стальной решетчатой двери, отворил её и отошел в сторону.

Максим вошел в коридор. По правой стороне его была бетонная стена с узкими бойницами, по левой – пустые камеры с решетками вместо дверей. В конце коридора, заканчивавшегося тупиком, напротив последней камеры, стоял невысокий металлический стул со спинкой.

Он сделал несколько шагов по коридору, и услышал, как за спиной лязгнула, закрывшись, тяжелая решетчатая дверь.

Освещение в камере было скудным, но его хватало для чтения газет и книг. Других развлечений у Ивана Шлыкова не было. Кроме, разве что, ежедневных визитов разных репортеров, от которых он не забывал отказываться. Его мнение мало что значило в этих стенах, и только лишь поэтому ему приходилось выслушивать всевозможные вопросы и наблюдать за попытками его разговаривать. Его посетители обычно уходили ни с чем. Но сегодня гость должен быть другой. Ожидаемый. Тот, с кем Иван будет разговаривать.

В конце коридора захлопнулась дверь, раздались неуверенные шаги. Это был не охранник, тот не стал бы заходить так быстро, да и нечего ему было тут делать. Стул он принёс около часа назад, и поспешно вернулся на свой пост, заниматься своими делами.

Перед камерой показался молодой человек. Иван примерно так себе его и представлял: среднего роста, худощавый, брюнет с классической стрижкой. Ничего выдающегося.

– Здравствуйте. Меня зовут Максим Кальнов. Я журналист, пришел взять у вас интервью...

Легкая улыбка тронула губы Ивана.

– Садись, Максим – он указал на стул в коридоре.

Максим, не отрываясь, смотрел на заключенного. А тот, в свою очередь, не сводил глаз с репортера. Оба молчали. Пять секунд, десять, минуту. О чем они думали, было неизвестно. Как будто они уже когда-то знали друг друга, но когда и в какой жизни – неизвестно. Наконец Максим произнес свой первый вопрос:

– Почему Вы решили дать интервью именно мне?

Шлыков опустил на тюремную кровать, подумал, потом произнёс: – Последнее время мне разрешено читать свежую прессу. Недавно мне довелось общаться с редактором одной газеты. Я просмотрел тот номер, мне понравилась твоя колонка. Манера изложения понравилась. Вот и причина.

Максим с недоумением пожал плечами. Он считал, что пишет не очень хорошо. Но раз так сложилось, то надо брать интервью дальше. Он достал из сумки карандаш и блокнот.

– Скажите, за какие преступления Вы были приговорены к столь длительной изоляции?

Шлыков удивленно поднял брови: – Ого. Я думал, сейчас будет вопрос типа «Каково провести в изоляции столько лет?» или что-то подобное. А ты, оказывается, не знаком даже с моим послужным списком.

– По правде сказать, я не успел познакомиться с материалами. Задание мне дали только вчера, а запись на очередь в архив на пару-тройку недель вперед. А в интернете никаких достоверных фактов не было... – начал было оправдываться Максим.

– Вообще-то мне дали высшую меру наказания – перебил его Иван. – Да только исполнить приговор не успели.

Максим начал делать пометки в блокноте.

– Ты подожди, репортер. Потом запишешь. У нас вроде бы диалог, мне не комфортно беседовать с пишущей машинкой.

Тот прекратил писать и молча продолжил слушать.

– Так вот. Меня должны были казнить, но кто-то сверху решил этого не делать. Я даже догадываюсь, кто, но дело не в этом.

– Но разве можно отменить уже вынесенный приговор?

Иван ухмыльнулся.

– Еще как можно. Я тебе расскажу, но об этом моменте лучше ничего не пиши, а то сам пострадаешь.

Максим кивнул и спрятал блокнот.

– Мой процесс проходил за закрытыми дверями, и между вынесением приговора и его обнародованием прошло немного времени, буквально пара дней. В это время, как бы случайно, появилась поправка в законодательстве, согласно которой в сфере наказания появилось понятие об изоляции. Для некоторых людей я был опасен, но нужен был живьем.. Вот меня и упрятали в богом забытую комнату на тридцать лет.

Внезапно Шлыков встал с койки. Максим отпрянул, но старался не подавать виду, что напрягся.

– Понимаешь ли, в этих стенах мне было очень одиноко. Но зато времени на раздумья хоть отбавляй. Не хочу сказать, что я раскаиваюсь, зла в своей жизни я сделал много, гораздо больше, чем любой другой человек. Но у меня есть одно желание, и поэтому ты здесь. Люди, которые поместили меня сюда, всё еще хотят получить своё. А я лишь хочу, чтобы обо мне не забыли.

– А какое отношение это имеет ко мне? – спросил Максим.

Иван подошел к решетке: – Я хочу предложить тебе сделку. Я буду рассказывать тебе о своей жизни, а ты будешь об этом писать. Хочешь – статьи, хочешь – книгу. На твоё усмотрение.

– Но я и так буду писать. Это же моя работа – возразил Максим.

– Ты не понял, Максим. Сделка подразумевает договор. Ты будешь писать про меня, а я поделюсь с тобой своим даром.

Максим опешил. Такого поворота он никак не ожидал. Мало того, что его собеседник – заключенный на пожизненный срок, так он еще и сумасшедший.

– Каким даром, если не секрет?

– Я иногда могу видеть будущее окружающих меня людей. – тихо ответил Иван.

«Точно, сбрендил» – решил Максим. «Видимо, изоляция не прошла даром».

Шлыков отошел от решетки, отступил вглубь камеры: – Подумай как следует, Максим. Это может быть твоим шансом.

Внимание Максима привлёк звук в дальнем углу коридора. В открытой двери стояли охранник. Он постучал пальцем по левому запястью: «Время вышло».

Репортер начал подниматься со стула.

Заключенный отвернулся, как бы заканчивая разговор, и отошел в дальний угол камеры. Уходя, Максим услышал невнятное бормотание: «Приходи скорей точка точка точка...»

Когда Максим получал свои вещи у охранника, тот сказал ему, как бы между делом: – Вы почти единственный, с кем он вообще заговорил. Обычно все уходит без результата. Что-нибудь интересное узнали?

Вместо ответа молодой человек слегка улыбнулся и в шутку спросил: – А что, у всех заключенных после изоляции мозги немного набекрень?

Тот тоже ничего не ответил, только хмыкнул, и уставился обратно в монитор.

Максим забрал из пластикового лотка свои вещи и отправился к выходу. Провожать его не было необходимости, дорогу он запомнил хорошо. Выйдя из ворот, он слегка вздохнул, как бы освобождаясь от гнёта посещенного им только что места. Неторопливым шагом направился к своей машине. В этот момент в кармане прозвенел телефон. Максим достал его, посмотрел на экран – это было сообщение от Лизы. Читая его, он вдруг резко остановился, изменился в лице. На светящемся экране телефона было написано: «Приходи скорей...» :)

Глава 5

Путь из тюрьмы казался более быстрым. То ли машин на дороге было мало, то ли Максим чуть сильнее жал на педаль газа. Он размышлял о том, что услышал час назад. Из головы никак не выходили последние слова, оброненные как бы случайно, невидимому собеседнику. «Приходи скорей...» Он не знал, услышит ли их Максим, и вполне мог разговаривать сам с собой. А если он вдруг знал, что придёт такое сообщение на телефон. Совпадением это быть не могло, таких совпадений не бывает. И человек тоже не может видеть будущее, не в его это силах. Но, тем не менее, фраза была произнесена, Максим её услышал, и телефон с сохранённым в нём сообщением лежал в кармане.

Занятый этими мыслями, он не сразу заметил едущую позади машину. Она не догоняла его, и не отставала. Просто держалась на одной дистанции. Серый неприметный седан с двумя пассажирами.

«Скорее всего, я просто их не заметил, а они решили не обгонять.» – решил Максим. Мысль про слежку мелькнула где-то в глубине сознания и сразу пропала, будто разум спохватился и прогнал её прочь. Да и кому нужно за ним следить?

Он достал телефон, набрал номер Лизы. Когда серия длинных гудков сменилась её голосом, он спросил: «Ты где?»

В ответ прозвучало несколько слов. Он ответил: «Я скоро буду. Надо поговорить.»

Примерно в то же время в едущей позади машине происходили похожие действия. Один мужчина вёл машину и старался не приближаться к цели, а второй разговаривал по телефону. Он набрал нужный номер и ждал ответа. Гудки продолжались недолго, после чего абонент ответил и на дальнем конце линии воцарилась тишина.

– Кальнов закончил визит, сейчас направляется в город.

В трубке еще секунду стояла тишина, потом мужской голос дал команду.

– Продолжаем наблюдение, – коротко ответил говоривший, после чего отключил телефон и убрал его во внутренний карман плаща.

Через город Максим проехал спокойно. В послеобеденное время пробок на улицах почти не бывало. До въезда в черту города он еще видел мелькавший где-то вдалеке седан, но позже потерял его из виду, отвлекаясь на маневры на дороге. Добрался до дома, оставил машину недалеко от подъезда и вышел. Когда он заметил следующую за ним машину, внутри появилось какое-то тревожное чувство. Прислушиваясь к нему, он внимательно осмотрелся по сторонам, но никого не увидел.

Войдя в подъезд, он поднялся на свой этаж, принялся открывать дверь. Тут ему показалось, что на пролёт выше по лестнице кто-то стоит. Он сделал шаг назад, открывая себе обзор, и вытянул голову. Как он потом себя успокаивал, «паранойя была напрасной». Это оказался сосед с площадки выше. Они кивнули друг другу в знак приветствия, сосед на площадке продолжил курить, а Максим, уже успокоившись, вошел в квартиру.

На кухне раздавалось движение и звяканье посуды, Лиза была дома и готовила обед. Как будто в подтверждение этого она закричала с кухни: – Привет!

– Привет. – откликнулся он, снимая ботинки. – А ты почему не на работе?

Секундное молчание сменилось звуком закипающего чайника.

– Мне позвонили утром из офиса, на сегодня дали отбой. Клиентов становится меньше, работы тоже. Как бы не пришлось искать новое место.

Несмотря на такие слова, расстроенным её голос совсем не казался. Да и что скрывать, работа была далека от совершенства, и потеря её совершенно не пугала.

Он в это время уже был в ванной, собирался помыть руки. Она заканчивала наливать обед, раскладывала столовые приборы.

– Помоешь руки и давай на кухню, обедать будем. – озвучила она уже известное будущее.

Когда первое закончилось, чай уже остыл до приемлемой температуры. Лиза убрала тарелки со стола, поставила чашки и села напротив. Не сделав еще и одного глотка, она потянулась к вазочке с конфетами на столе. Она была немножко сладкоежкой, но всегда знала меру. Максим с улыбкой наблюдал, как она освободила одну конфету из плена упаковки и отправила её в рот. Наконец он спросил: – Что за сообщение ты сегодня прислала?

Она прекратила жевать, проглотила, сделала глоток чая, и только потом ответила: – Просто захотелось написать. А что, что-то не так?

– Я просто не ожидал. Обычно ты не пишешь сообщений, непривычно.

Она пожала плечами. Мол, не знаю, что это на меня нашло.

– А как ты сегодня съездил? Удачно?

Максим рассказал ей о поездке. Как мог, описал тюрьму, приукрасив для атмосферы самые мрачные места. Рассказал о странном разговоре с заключенным. Закончил получением того самого сообщения от Лизы.

Она молча слушала, делая маленькие глотки чая, и иногда прерывала его уточняющими вопросами. Когда он закончил, на минутку задумалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.